

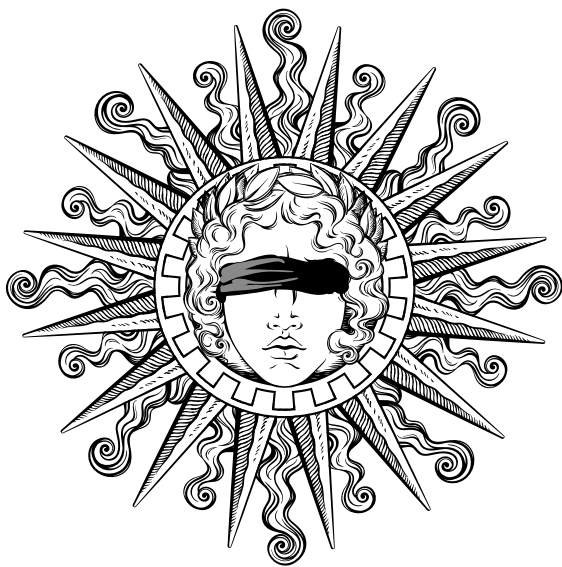
# ПОЛЬ АЛТЕР

чай, кофе  
и убийства



ПОЛЬ АЛЬТЕР

СЕМЬ ЧУДЕС  
ПРЕСТУПЛЕНИЯ



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.133.1-312.4  
ББК 84(4Фра)-44  
А58

Серия «Чай, кофе и убийства»

Paul Halter

LES SEPT MERVEILLES DU CRIME

Перевод *Л. Боровиковой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн  
*В. Воронина*

Печатается с разрешения Lester Literary Agency.

**Альтер, Поль.**

А58 Семь чудес преступления : [роман] / Поль Альтер ; [пер. с фр. Л. И. Боровиковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-105954-5

Смотритель маяка сожжен заживо наверху башни, вокруг которой бушевало море...

Любитель стрельбы из лука убит стрелой, посланной с неба...

Мужчина умер от жажды в нескольких сантиметрах от кувшина с водой...

В этих преступлениях так много тайн и загадок, что даже лучшие сыщики Скотленд-Ярда разводят руками и причисляют убийства к разряду невероятных.

Сам убийца не менее оригинален. Он присылает в полицию картины, на которых сообщает о готовящихся преступлениях. Каждое убийство — это шоу, заранее спланированная мизансцена, автор которой всегда неукоснительно исполняет свои обещания, данные на холстах. Каждый раз, располагая датой, местом или именем жертвы, Скотленд-Ярд оказывается не в состоянии предотвратить трагедию.

Сыщики обращаются за помощью к Оуэну Бернсу — талантливому детективу, обладающему незаурядными дедуктивными способностями и очень развитой интуицией. Оуэн, будучи настоящим эстетом, восхищен искусством преступника. Он принимает этот вызов и пытается разгадать как логические, так и искусствоведческие загадки убийцы.

УДК 821.133.1-312.4  
ББК 84(4Фра)-44

© Paul Halter et Editions du Masque — Hachette  
Livre, 1997

© Paul Halter, 2007

© Перевод. Л. Боровикова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-105954-5

*Посвящается Мари-Франсуаз  
П.А.*



# Часть первая

## ИКАР

### Глава 1

— *Вы меня любите? Это радует. Ну, а теперь убейте!* — внезапно заявил мой собеседник.

В этот прохладный и влажный вечер начала мая я отправился к моему другу Оуэну Бернсу, в его квартиру на Сент-Джеймс-сквер. Устроившись возле камина, мы оба угрюмо погрузились в собственные мысли. Целый день сильный дождь поливал Лондон, и ничего не предвещало его прекращения. Дух бродяжничества унес меня в Южную Африку, и я не без ностальгии вспоминал приятный климат своей родины. Мне было так хорошо, что понадобилось несколько секунд, чтобы уловить странный смысл замечания Оуэна. Чуть приподнявшись в кресле, я повернулся к нему, ожидая объяснений.

Облокотившись на каминную полку, мой друг задумчиво рассматривал листок белой бристольской бумаги, осторожно держа его двумя пальцами.

— Это принесли с вечерней почтой, — уточнил он, потирая подбородок.

— И это... все? — пробормотал я. — Все, что там написано?

— Да, все. Только эта фраза. И больше ни одного слова, если не считать моей фамилии и адреса на конверте. Почтовый штамп сообщает, что

письмо отправлено ранним утром из почтового отделения недалеко от вокзала Виктория.

— И никакого начала? Ни обратного адреса, ни подписи?

— Ничего, я же говорю. Ничего, кроме этой фразы, впрочем, очень изящной, конкретной и довольно понятной... Ах! Не могу удержаться, чтобы не процитировать еще раз: *«Вы меня любите? Это радует...»*

По своему обыкновению, Оуэн Бернс выражался весьма высокопарно, что граничило почти с нелепостью, вовсе ему несвойственной. Казалось, он смакует каждый произнесенный слог, как будто пьет божественный нектар. Загадочная фраза, очевидно, казалась ему особенно сладостной. Несомненно, неизвестный автор послания сильно позабавился бы, глядя, как Оуэн в малиновом шелковом халате декламирует несколько слов. Высокого роста, плотного телосложения, мой друг выглядел весьма импозантно, рисуясь этим. Полные губы и тяжелые веки придавали томное выражение его лицу, впрочем, довольно обычному. Но взгляд оставался живым и лукавым.

Те из вас, кто читал описание его подвигов, изложенных мною в рассказе *«Король беспорядка»*, хорошо знаком с эксцентричной натурой Оуэна, и знает, что он — эстет, исповедующий тезис «искусство ради искусства» в его высшей утонченности. Цель его существования — поиск прекрасного во всех областях жизни, в том числе в блестяще совершенных преступлениях! Нередко опираясь на отдельные детали, Оуэн любил сравнивать некоторые убийства с произведениями искусства. «Тонкое чувство прекрасного» позволяло ему сразу распознавать «тех самых художников», которых он неизменно разоблачал, устанавливая их личности. Надо сказать, полиция всегда с живым интересом выслуши-



вала его ценнейшие советы, когда застревала в процессе расследования крайне запутанного дела.

— Как вы думаете, Ахилл, — повторил он, — что означает эта фраза?

— Если *даже вы* этого не знаете, то какого черта хотите, чтобы знал я, ваш заурядный ученик?

— Я просто интересуюсь вашим мнением, Ахилл. И бросьте эту гадкую привычку горячиться, когда сталкиваетесь с малой толикой тайны!

— Я горячусь?! Да я всего лишь хотел самым естественным образом ответить на ваш вопрос! — воскликнул я.

— Тогда скажем, что вы недалеки от этого. В вашем голосе слышалась легкая досада с прорывающейся ноткой воинственности. Я очень хорошо это чувствую. Не говоря уже о совершенно лицемерной манере самоуничужения. Конечно, вы мой ученик, но не такой уж и заурядный. И хватит увливать. Ну же, посмотрите сюда и скажите, что вы об этом думаете.

Не говоря ни слова, я взял листок бристольской бумаги, который он протянул мне с такой осторожностью, как будто это была одна из его китайских фарфоровых безделушек. После долгого осмотра я сделал вывод:

— Буквы прописные... Достаточно светлые голубые чернила... Стиль одновременно живой и туманный... Возможно, это писала женщина?

— Не играйте в проницательного детектива, Ахилл. Это вам совсем не идет. К такому выводу вас привела одна фраза, а вовсе не результат тщательного осмотра!

— Вас интересовало мое впечатление, ну так я его высказал! Стараясь быть объективным и беспристрастным, я думаю, что это написала женщина! Женщина, которая перед тем, как расстаться

с вами, требует в качестве доказательства любви совершения преступления и готова стать его жертвой!

Оуэн на мгновение задумался, затем сделал несколько шагов перед камином, а потом наградил меня взглядом, выражающим сомнение:

— Вы действительно так думаете? Или сказали это, чтобы доставить мне удовольствие?

Сияясь быть спокойным, я ответил:

— Ну, я не вижу, в чем...

— В любом случае, это сообщение адресовано не мне.

— Однако на конверте ваша фамилия и адрес!

— Конечно. Но я не «Вы», который «Вы меня любите?»

— Ну, в таком случае вы знаете автора этого послания?

Оуэн казался озабоченным. Он сжал губы и дошел до буфета, где был выставлен его знаменитый китайский фарфор.

— Думаю, у меня появилась смутная идея. Правда, она мне кажется настолько абсурдной, что... В общем, не будем пока об этом. Я не должен надоедать вам такими пустяками. И все же спасибо за ваше ценное мнение.

Он еще раз бросил взгляд на записку, затем направился к письменному столу, заваленному множеством неоплаченных счетов, — осязаемым доказательством того, что траты моего друга превышали имевшиеся у него средства. Оуэн с презрением порылся в них и, обескураженный, вернулся обратно. Остановившись у книжного шкафа, он достал с полки книгу, сунул в нее записку и поставил книгу на место. Прделав это, он лениво развалился в кресле и устремил задумчивый взгляд на каминную полку, где стояли прелестные статуэтки

девяти греческих богинь, сделанные из мыльного камня, — недавнее приобретение, которым, как мне казалось, он очень гордился.

Довольно долго мы слушали монотонное потрескивание огня и стук дождя по стеклам. Иногда тишину нарушал звон упряжи проезжающего фиакра. А мне не давал покоя один вопрос. Пустяковый вопрос, который не имел бы ни малейшего значения, если бы был обращен к любому жителю планеты: какую книгу выбрал Оуэн, чтобы положить в нее таинственную записку? Я находился слишком далеко, чтобы увидеть это. Конечно, он выбрал книгу намеренно. Дом всегда немного отображает того, кто в нем живет: книга, выбранная Оуэном, могла бы указать мне на то, что он решил не рассказывать по поводу этой записки. Я немного подождал, а затем, приняв совершенно отрешенный вид, спросил об этом у него, так как сильно подозревал, что порой мой друг находил удовольствие в молчании как раз в тот самый момент, когда я искал возможность удовлетворить свое любопытство по какому-либо вопросу.

Оуэн повернулся ко мне и сказал, забавляясь и насмешничая:

— Неужели вы не догадались? Это же вполне логично. Если бы вы несколько раз повторили фразу, как это сделал я, то поняли бы, что я не мог положить записку в какую-нибудь другую книгу, кроме... Вы молчите, Ахилл? Вы так же скупы на слова, как и муравей из басни?..

— «Басни» Лафонтена! — воскликнул я. Вы положили записку в эту книгу!

— Bravo, Ахилл. Живость вашего ума останется для меня одной из главных загадок вселенной! Разумеется, «Басни» Лафонтена! Вы, конечно, не за-

были неизменно злободневные стихи этого великого поэта. Решительный тон и жестокая насмешка муравья над бедной стрекозой: «Ну, а теперь походи и попляши!» Да, конечно, какой великий художник, этот Жан де Лафонтен! Поверьте мне, если бы у него был хороший или плохой вкус к преступлениям, король-солнце, несомненно, опасался бы сюжетов его басен!

— На мой взгляд, столь художественная оценка преступлений стала у вас чересчур навязчивой, — заметил я без тени насмешки.

— И не без причины! Так как порода аристократов преступления неистребима! Вы читали журналы за прошлый месяц? Удар за ударом. Полиция занималась двумя заворачивающими, необыкновенными преступлениями! В первом случае человек, как факел, сгорел на самом верху маяка! Во втором — лучник идеально точно застрелен каким-то убийцей стрелой из арбалета!

Напыщенные выражения моего друга ничего не раскрывали в тайне этих двух преступлений. О первом, которое датировалось прошлым месяцем, у меня осталось довольно отчетливое воспоминание, после того как я прочитал в прессе заметку о собранных фактах. Жертва, некий Александр Райли, смотритель маяка, нашел ужасную смерть прямо на рабочем месте, на западном берегу, недалеко от Барнстапла. Плохие метеоусловия заставили его провести всю ночь на самой верхушке этого узкого строения. Такая длительная изоляция не являлась чем-то особенным и составляла часть его служебных обязанностей.

Событие произошло через двенадцать часов после того, как он появился на своем рабочем посту, на прочном гранитном маяке, возвышающемся на оконечности каменной гряды, которая вы-

давалась далеко в море. Между скользкими скалами вилась узкая и очень опасная тропа. Неосторожных путников, смытых предательской волной, было не счесть. Особенно неразумно было ходить там в сильный шторм, как в тот самый день...

Как только стемнело, покой обитателей соседнего городка был нарушен тревожными криками, доносящимися издалека. Выскочившие из домов люди сразу же увидели на самой верхушке маяка человека, превратившегося в горящий факел. Он вопил, как безумный, и отчаянно звал на помощь, махая руками на верхнем парапете сооружения.

Жителей городка отделяло от маяка около двухсот метров, и в темноте они не могли точно определить, действительно ли это Александр Райли. Самым ужасным было то, что им не удалось прийти ему на помощь. Море, бушующее под сильнейшими порывами ветра, перекрывало доступ к маяку по дороге среди скал. Добраться до маяка морским путем тоже было невысказано. Пришлось ждать утра следующего дня, чтобы лицезреть ужасное состояние несчастного, «сгоревшего в ночи, словно он сам был маяком», по выражению одного свидетеля. Двум молодым и отважным полицейским удалось добраться до места события по немного успокоившемуся морю. Поднявшись на самый верх по винтовой лестнице, ведущей к фонарю маяка, они обнаружили, что входная дверь заперта снаружи, ключ еще торчал в замочной скважине, что таким образом исключало версию о несчастном случае: кто-то умышленно запер несчастного Райли! Они нашли обуглившиеся останки там, где он был замечен, то есть у края каменных перил, с внешней стороны будки с рефлектором. Но не удалось найти ни малейших следов убийцы в этом месте, отнюдь

не предполагавшем возможности какого-либо укрытия. Следователи довольно легко определили причину смерти. Следы горючего были обнаружены на части карниза, у входа в комнатку смотрителя и на жертве. Таинственный злоумышленник, судя по всему, обрызгал смотрителя керосином. Бак с горючим, поддерживающим огонь маяка и его системы освещения, был найден в исправном состоянии, но не исключавшем возможности утечки легковоспламеняющейся жидкости, случайно подожженной окурком несчастного смотрителя, который и правда был заядлым курильщиком. Единственные особые улики — три пустые бутылки из-под виски — найдены недалеко от жертвы. Всем известно, что Райли был не только заядлым курильщиком, но и большим любителем выпить, однако такое количество бутылок казалось чрезмерным для тех нескольких часов, которые он провел наверху.

Кроме того, полиция была более или менее осведомлена об этом событии анонимной запиской, сообщавшей о странном преступлении, которое должно было быть совершено в тот самый день. В полиции это сообщение получили утром в день убийства. Значит, предумышленное убийство совершено преступником, уверенным в своем деле, но, что особенно важно, умеющим плавать или летать. И действительно, *только существо с крыльями или чувствующее себя как рыба в бушующем море, было способно покинуть место преступления в момент его совершения.*

Да и до этого маяк оставался недоступным после полудня, все свидетели утверждали: никто не смог бы проплыть или пройти по тропинке среди скал при разбушевавшемся море. После трагического события подходы к маяку находились под постоянным наблюдением нескольких свидетелей,

а затем и полиции, ожидавшей первого затишья, чтобы добраться до места преступления. Другими словами, на протяжении восьми часов до и после смерти Райли *никто, абсолютно никто не смог бы добраться до этого места или покинуть его!*

Гипотеза об адской машине, действующей с помощью часового механизма, могла бы быть подкреплена какой-нибудь уликой, найденной на месте трагедии. Но там ничего не обнаружили. Кроме того, следствие показало, что жертва не была ни оглушена, ни связана, ни прикована. Следовательно, в момент возгорания она была свободна в своих действиях. У Александра Райли не было ни долгов, ни наследства, ни смертельных врагов. Он был одним из тех симпатичных старых холостяков, жизнерадостных и любивших поболтать, компанию которого ценили все. Мотив убийства оставался таким же таинственным, как и способ, которым действовал убийца.

Невольно я поделился с Оуэном своими соображениями о различных фактах этого дела. Когда я закончил, он изобразил забавную улыбку удовлетворения.

— Великолепное преступление, не так ли?

— Скажем, весьма удивительное...

— Удивительное? — воскликнул он. — Гораздо больше, чем удивительное! Потому что никакое разумное объяснение не может считаться удовлетворительным! Удивительное? Вы хотите сказать, невозможное, да? Это настоящее «невозможное» преступление!

Исключительно из духа противоречия я счел необходимым умерить его энтузиазм.

— Теоретически, да, — отозвался я, прочищая горло, — поскольку остается возможность самоубийства, такая же невероятная.